

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2295](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2295)

Ю. Харконен, С. Биллингслей, М. Хорнунг

**ТРЕНДЫ РАЗВОДИМОСТИ В СЕМИ СТРАНАХ
В ТЕЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ТРАНЗИТА
ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА: 1981—2004 гг.
Вступ. слово и пер. с англ. В. В. Солодникова**

Правильная ссылка на статью:

Харконен Ю., Биллингслей С., Хорнунг М. Тренды разводимости в семи странах в течение продолжительного транзита от государственного социализма: 1981—2004 гг. / вступ. слово и пер. с англ. В. В. Солодникова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 127—159. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2295>.

For citation:

Härkönen J., Billingsley S., Hornung M. (2023) Divorce Trends in Seven Countries Over the Long Transition from State Socialism: 1981—2004 (V. Solodnikov, intro & trans.). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 127—159. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2295>. (In Russ.)

Получено: 08.08.2022. Принято к публикации: 17.02.2023.

ТРЕНДЫ РАЗВОДИМОСТИ В СЕМИ СТРАНАХ В ТЕЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ТРАНЗИТА ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА: 1981—2004 ГГ. ВСТУП. СЛОВО И ПЕР. С АНГЛ. В.В. СОЛОДНИКОВА

ХАРКОНЕН Юхо — Европейский университетский институт, Флоренция, Италия
E-MAIL: juho.harkonen@eui.eu
<https://orcid.org/0000-0001-9687-1932>

БИЛЛИНГСЛЕЙ Санни — PhD, профессор социологии факультета социологии, Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция
E-MAIL: sunnee.billingsley@sociology.su.se
<https://orcid.org/0000-0001-5698-2419>

ХОРНУНГ Мария — ассистент проекта, Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция
E-MAIL: maria.hornung@hu-berlin.de
<https://orcid.org/0000-0002-2905-2707>

DIVORCE TRENDS IN SEVEN COUNTRIES OVER THE LONG TRANSITION FROM STATE SOCIALISM: 1981—2004

*Joho HÄRKÖNEN*¹
E-MAIL: juho.harkonen@eui.eu
<https://orcid.org/0000-0001-9687-1932>

*Sunnee BILLINGSLEY*² — PhD, Professor of Sociology at the Department of Sociology
E-MAIL: sunnee.billingsley@sociology.su.se
<https://orcid.org/0000-0001-5698-2419>

*Maria HORNUNG*² — Project Assistent
E-MAIL: maria.hornung@hu-berlin.de
<https://orcid.org/0000-0002-2905-2707>

¹ European University Institute, Florence, Italy

² Stockholm University, Stockholm, Sweden

Аннотация. Крах коммунизма — геополитическое событие в Европе конца XX века с хорошо документированными экономическими, социальными и политическими последствиями. Однако до сих пор отсутствуют исследования того, как оно повлияло на уровень разводов. Целью нашей работы является анализ трендов, связанных с уровнем разводов в течение длительного перехода от коммунизма — начавшегося с упадка коммунистической экономики в 1980-х годах и закончившегося экономическим возрождением, — в семи странах: Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России. Мы обсуждаем, мог ли этот переход увеличить или уменьшить риск развода. Мы

Abstract. The collapse of communism was a defining geopolitical event of late-twentieth century Europe, with well-documented economic, social, and political implications. Yet there is a striking absence of research on how it influenced divorce. The objective of this study is to provide an exploratory analysis of trends in divorce over the long transition from communism — starting from the decline of the communist economy in the 1980s and ending with economic revival — in seven countries: Bulgaria, Estonia, Hungary, Lithuania, Poland, Romania, and Russia. We discuss how the transition could be expected to either increase or decrease divorce risks. We analyze retrospective micro-level data on first mar-

анализируем ретроспективные данные микроуровня, касающиеся первых браков, из базы исследования «Изменение режимов жизненного цикла в Восточной Европе» (Changing Life Course Regimes in Eastern Europe — CLiCR). Основываясь на анализе истории наступления событий (event-history analyses), мы выявили, что на определенном этапе этого длительного перехода уровень разводов вырос во всех странах. Однако это увеличение не может быть объяснено структурным изменением. Нами не было обнаружено и единого паттерна увеличения риска развода по времени и продолжительности. Поразительная вариабельность данных приводит нас к выводу, что даже последствия крупных социальных разрывов контекстуально опосредованы.

Ключевые слова: развод, Центральная и Восточная Европа, социальное изменение, переход от коммунизма к рыночной экономике, анализ наступления событий

riages from the Changing Life Course Regimes in Eastern Europe (CLiCR) dataset. Based on our event-history analyses, we find that divorce rates increased in each country at some stage during the long transition and these increases cannot be explained by compositional change of the marriages. However, no uniform pattern emerged in the timing and duration of the increase in divorce risk. This striking variation leads us to conclude that even the effect of major societal ruptures is contextually contingent.

Keywords: divorce, Central and Eastern Europe, social change, transition from communism, event history analysis

Вступительное слово.

Об изучении динамики разводов в сравнительном макросоциальном контексте

При изучении стабильности/качества/успешности брака (см. подробнее [Солодников, 2016]) развод — негативный полюс континуума этой переменной. В 2000-е годы развод выступал в качестве традиционного объекта исследования для российских социологов [Солодников, 2018: 281]. В публичном дискурсе интерес к распаду брака возникает эпизодически. Например, на пике пандемии COVID-19 в средствах массовой коммуникации неоднократно говорилось о росте внутрисемейного насилия, которое, в свою очередь, должно было привести к увеличению количества разводов. Однако научных доказательных публикаций об этом встречать не приходилось. Более того, при описании динамики разводимости в массовых изданиях нередко используются некорректные показатели.

Во-первых, нередко апеллируют к *абсолютному показателю количества разводов*. Между тем такой показатель зависит от (не)многочисленности поколения (возрастной когорты) и не может быть однозначно интерпретирован.

Во-вторых, сравнивается количество заключенных браков и зарегистрированных разводов за определенный (один и тот же) промежуток времени. На основании этого делается вывод о «распаде каждого энного брака». Однако, если регистрации брака действительно характерны только для выбранного отрезка времени, то зарегистрированные разводы — это «накопленная» величина за все годы брака, продолжительность которых сопоставима с продолжительностью жизненного пути и может насчитывать десятки лет. В переводе предлагаемой читателю главы монографии [Mortelmans, 2020] в качестве одного из корректных показателей используется *суммарный коэффициент разводимости (total divorce rates)* — количество разводов в расчете на 100 браков. Для России это показатель не рассчитывается.

Наконец, по аналогии с показателями промышленного производства, при оценке динамики разводов используются по демографическим меркам очень непродолжительные отрезки времени (квартал, год и т. п.). Это может приводить к «апокалиптическим» оценкам динамики разводов.

Для иллюстрации приведем российские данные *общего коэффициента разводимости* — количество разводов в расчете на 1 000 населения (еще более точным был бы показатель, учитывающий население в возрасте 18 лет и старше) за отрезок времени, анализируемый в тексте иностранных авторов (см. рис. 1).

Примечание. По оси X — годы; по оси Y — количество разводов в расчете на 1 000 чел. населения.

Таким образом, на протяжении последних сорока лет не отмечено сколько-нибудь существенной динамики разводов, а аппроксимационная прямая даже свидетельствует о некотором их снижении.

Приведенные соображения подчеркивают актуальность главы трех авторов Ю. Харконена, С. Биллингслей и М. Хорнунг в коллективной монографии

¹ За 2003—2010 гг. показатели разводов рассчитаны с использованием численности населения, пересчитанной с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.

² С 2014 г. с учетом данных по Республике Крым и г. Севастополю.

³ Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.06. 2022).

[Mortelmans, 2020], посвященной анализу трендов разводимости в семи странах (включая Россию) в течение транзита от социализма к рыночной экономике в период 1981—2004 гг.

Предпринятый авторами количественный анализ масштабных статистических данных будет интересен не только социальным исследователям, но и широкой аудитории. В его ходе были реализованы два шага.

Первый шаг — описание переменных, связанных с «риском развода» по каждой из стран (с учетом пяти этапов «транзита»). Рассматривались такие переменные, как доля респондентов-женщин; уровень образования супругов; возраст их вступления в брак и продолжительность последнего; факт добрачного сожительства; воспитание супруга в приемной семье; наличие ребенка в возрасте до трех лет и количество детей (см. Приложение 1). Была выявлена обратная зависимость между продолжительностью брака и вероятностью развода (более высок риск развода в первые годы брака с последующим уменьшением и стабилизацией этого риска). Однако сами тренды разводимости широко варьировали в разных странах.

На втором шаге предпринятого анализа были построены две модели, объясняющие риск развода на макросоциальном уровне (см. Приложение 2).

В первой (более простой) модели контролировалась доля женщин-респондентов и продолжительность брака. Вторая модель, помимо этого, учитывала остальные переменные.

Предложенную авторами исследовательскую схему можно с некоторыми оговорками интерпретировать как квазисоциальный полевой экспериментальный анализ на макроуровне. При этом в методической литературе отмечается, что строгие требования в организации экспериментального исследования превращают его в *лабораторное* или *истинное* и «могут быть полностью воплощены лишь в бесконечном идеальном эксперименте» [Девятко, 1998: 52]. Если принять за независимую переменную переход от социалистической экономики, «командно-административной системы» (с выделенными пятью временными этапами), то в качестве зависимой переменной выступает показатель количества разводов в его динамике.

Сложность представляет определение перечня контролируемых переменных. Авторами в качестве таковых были выбраны параметры супругов, брака и семьи, связанные с риском развода (выделенные на первом шаге анализа). Еще сложнее учесть особенности макросоциального контекста происшедшей «перестройки», варьирующие в бывших социалистических странах.

Это отмечают сами авторы при подведении итогов исследования, поскольку «несмотря на то что социальный опыт в течение длительного транзита от коммунизма (к рыночной экономике) обладает многими сходными чертами, <...> он не сопровождался единым трендом разводимости. Скорее, мы обнаружили очевидные различия в том, как и когда транзит формировал стабильность брака и, вероятно, отразил различные исторические отправные точки и традиции, а также национальные отличительные особенности адаптации к демократии, основанной на рыночной экономике» [Mortelmans, 2020: 83—84].

Тем не менее, предпринятая авторами попытка анализа макросоциальных факторов разводимости заслуживает уважения и обозначает перспективы этого исследовательского направления в социологии семьи⁴.

*В. В. Солодников,
д. соц. н., профессор кафедры
прикладной социологии, РГГУ
<https://orcid.org/0000-0002-3440-9096>*

Введение⁵

Падение коммунизма считается одним из определяющих геополитических событий в Европе конца XX века. Помимо перекраивания геополитической карты Европы переход от коммунизма к рыночной экономике оказал мощное влияние на повседневную жизнь людей, которые его пережили. В предыдущих исследованиях для выявления последствий этого перехода изучались социальное неравенство и социальная мобильность [Gerber, Hout, 2004], здоровье населения [Billingsley, 2011; Brainerd, 1998], брачность и рождаемость [Billingsley, 2010; Billingsley, Duntava, 2017; Gerber, Berman, 2010; Nedoluzhko, Agadjanian, 2015].

Повлиял ли этот транзит на уровень разводов? Переход от коммунизма означал наступление радикальных социальных, политических и экономических трансформаций, затрагивающих сложившиеся ранее социальные нормы и отношения, экономические структуры, а также системы институциональной поддержки. Социальный распад и сопутствующая ему турбулентность повседневной жизни с большой вероятностью должны были оказать влияние на (не)стабильность брака. Однако, как мы подробнее рассмотрим ниже, многие из этих макросоциальных последствий привели к противоположному результату и сократили уровень разводов, увеличив экономическую взаимозависимость членов семьи или усилив барьеры на пути к достижению развода. Вопреки потенциальному влиянию перехода к рынку на семью и ее создание, поразительно отсутствие исследований, изучающих тенденции разводимости в странах транзита.

Целью нашей работы является анализ рисков развода в течение периода с 1981 по 2004 г. в семи посткоммунистических странах: Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России. Наше исследование оказывается первым межстрановым сравнительным анализом данных о трендах развода на микроуровне при переходе от коммунизма к рыночной экономике. Предыдущие исследования развода в этот период времени детально описали его тренды в России [Avdeev, Monnier, 2000; Solodnikov, 2016], Венгрии [Bukodi, Róbert, 2003; Spéder,

⁴ Благодарю за помощь в интерпретации математических терминов А. В. Кученкову.

⁵ Перевод текста (Харконен Ю., Биллингслей С., Хорнунг М. Тренды разводимости в семи странах в течение продолжительного транзита от государственного социализма: 1981—2004 гг. // Развод в Европе. Новые инсайты относительно трендов, причин и последствий расставания супругов / под ред. Д. Мортелманса. Чам: Спрингер, 2020. С. 63—92) публикуется с разрешения авторов и издателей. Открытый доступ под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Оригинал: Härkönen J., Billingsley S., Hornung M. (2020) Divorce Trends in Seven Countries Over the Long Transition from State Socialism: 1981—2004. In: Mortelmans D. (ed.) *Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-Ups*. Cham: Springer. P. 63—92. https://doi.org/10.1007/978-3-030-25838-2_4. Open Access. This book is licensed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License.

2005; Spéder, Kamarás, 2008], Болгарии [Philipov, Jasilioniene, 2008], Румынии [Mureşan et al., 2008], а также социально-экономические детерминанты развода в Эстонии [Rootalu, 2010] и Литве [Maslauskaitė et al., 2015]. На сегодняшний день есть только одно сравнительное исследование развода, основанное на агрегированных данных [Philipov, Dorbritz, 2003].

Мы сформулировали три вопроса.

Первый: что происходило с уровнем разводов в процессе перехода от государственного социализма к рыночной экономике в семи странах в период с 1981 по 2004 г.? Эти годы включают постепенное разрушение коммунистической системы, перестройку, институциональные и политические изменения, а также наступление немедленных последствий и стабилизацию новых политических и экономических систем. Другими словами, мы рассматриваем продолжительный транзит как постепенный процесс, а не дискретное событие.

Второй: основываясь на хорошо изученных изменениях, касающихся поведенческих особенностей при формировании семьи, может ли какой-то период времени, обладающий специфическим уровнем разводимости, быть связан с демографическими или структурными (*compositional*) особенностями брака? Тенденции, выявленные на основе агрегированных данных (например, [Ibid.]), предполагают изменение структурных особенностей брака. Наш анализ истории событий на основе гармонизированных ретроспективных данных из базы исследования CLiCR позволяет нам сравнить набор трендов, описывающих структурные изменения брака.

Третий: являются ли любые выявленные тренды общими для всех семи стран? Как мы собираемся более детально обсудить ниже, некоторые особенности перехода присущи всем странам, тогда как другие, такие как изменения ценностей или гендерных норм [Sobotka, 2011] и успешности рыночных реформ [Bohle, Greskovits, 2007] обнаруживают значительную вариативность, приводя к уникальным (*idiosyncratic*) изменениям уровня разводов.

Изученность темы

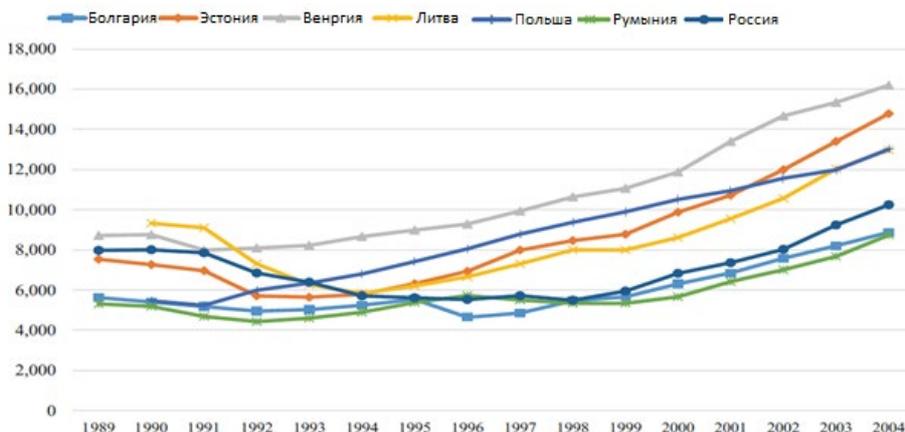
Мы сконцентрируем свое внимание на семи бывших коммунистических странах, переживших переход от социализма к рыночной экономике и демократической политической системе: Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России. Этот переход начался с революций 1989 г., начавшихся летом в Польше и далее распространившихся на Венгрию, Болгарию и Румынию. Эстония и Литва провозгласили независимость от СССР в сентябре 1991 г. Сам же СССР прекратил существование в декабре 1991 г., что привело к возникновению Российской Федерации. Этому периоду быстрого развития событий в 1989—1991 гг. предшествовало зарождение независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность» в Польше в 1980 г. (активность которого подавлялась до обретения независимости) и период политики реформ, открытости, перестройки и гласности в СССР, начавшийся в 1985 г. Главным импульсом для изменений в политических системах были экономические трудности, которые начались в конце 1970-х годов.

Переход от коммунизма к рыночной экономике привел к значительным изменениям политических, социальных и экономических условий в постсоциалистических странах [Blanchard, 1997; Gerber, Hout, 2004]. Если социалистическая система

обеспечивала жилищную и трудовую безопасность, базовый доход, финансовую поддержку семьям, а также доступность ухода за детьми, то переход к рынку разрушил многое из перечисленного [Barr, 2001; Fajth, 1999; Frejka, 2008; Stankuniene, Jasilioniene, 2008]. Постсоциалистическая система принесла с собой сокращение господдержки и увеличение либерализации рынка, вызвав экономический кризис во многих странах и ухудшив экономическую и жилищную безопасность граждан [Gimpelson, 2001], а также возможность совмещения оплачиваемой и неоплачиваемой работы для женщин [Pascall, Manning, 2000; Szelewa, Polakowski, 2008].

Вплоть до 1990-х годов экономики Восточного блока были взаимозависимы в рамках Совета экономической Взаимопомощи (СЭВ), возглавляемого СССР. Крах коммунизма и СЭВ привел к экономическому упадку в каждой ассоциированной стране. Рисунок 1 иллюстрирует эти экономические трудности, варьирующие по глубине и продолжительности. Страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), которые мы изучали, показали к 1991 г. незначительное падение ВВП на душу населения. Польша продемонстрировала самые быстрые темпы восстановления и экономического роста после 1991 г. Показатели Венгрии стабилизировались и вышли на умеренный экономический рост после 1991 г., обогнав остальные страны в 1992 г. Первоначальный экономический спад в Болгарии в начале 1990-х годов был минимален, но рецессия в 1996 г. и 1997 г. оказалась более выраженной. Экономическое восстановление Румынии было зеркальным отражением ситуации в Болгарии, за исключением того, что экономический спад продолжался с 1997 по 1999 г. Страны бывшего Советского Союза (СБСЮ) столкнулись с гораздо более глубокой рецессией в начале 1990-х годов. Обе анализируемые нами страны Балтии, пережившие быстрые упадок и восстановление (ставшее очевидным к 1995 г.), стали преимущественно стабильными вскоре после этого. С другой стороны, Россия не демонстрировала признаков настоящего восстановления вплоть до 1999 г.

Рис. 1. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (2012, международный долл.)⁶

⁶ TransMonEE. (2012) TransMonEE 2012 database. Geneva: UNICEF Regional Office for CEE/CIS.

В России рыночная либерализация привела к инфляции, рецессии, невыплате заработной платы, нисходящей (социальной) мобильности и безработице [Blanchard, 1997; Gerber, Hout, 2004]. Экономическая рецессия и высокая инфляция также были характерны для различных стадий перехода в Болгарии, Эстонии, Литве и Румынии; в несколько меньшей степени — в Венгрии и Польше [Bohle, Greskovits, 2007; Koytcheva, Philipov, 2008; Maslauskaitė et al., 2015; Mureşan et al., 2008; Robila, 2004; Spéder, Kamarás, 2008]. В сравнении с Россией, где экономическая трансформация ухудшила ситуацию с трудовой занятостью для женщин, увеличив гендерные различия в оплате труда, женщины остальных стран Восточной Европы — Болгарии, Эстонии, Польши и Венгрии — существенно выиграли в сравнении с мужчинами [Spéder, Kamarás, 2008; Brainerd, 2000].

Законодательство и тренды изменения уровня разводов

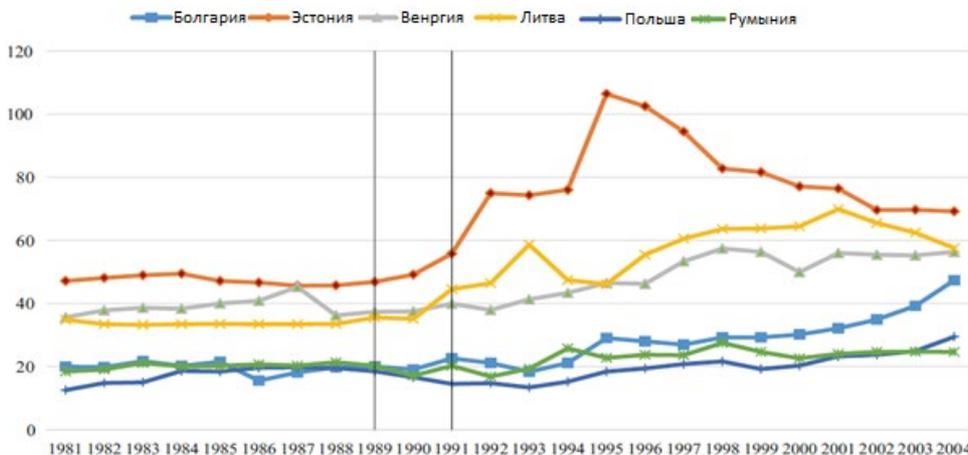
Уровень разводов в коммунистических странах варьировал еще до начала перехода к рынку. В Советском Союзе либерализация законодательства о разводе в середине 1960-х годов привела к общему повышению их уровня [Solodnikov, 2016]. Большинство коммунистических стран в это же время или чуть позднее также приняли либеральные законы о разводе, и уровень разводимости в них увеличился, однако, например, в Румынии в 1967—1971 гг. развод был практически невозможен [Mureşan, 2007]. В конце 1980-х годов в некоторых странах законы о разводе ужесточились, например, в Венгрии, что временно приостановило там предшествующий рост разводимости [Bukodi, Róbert, 2003; Spéder, Kamarás, 2008], или в Болгарии, где был восстановлен развод по вине одной из сторон [Todorova, 2000]. Переход от коммунизма к рыночной экономике сопровождался новой волной изменений в законодательстве о разводе. Тем не менее в Румынии его либерализация имела слабый эффект на фоне жилищного кризиса, бедности и негативного отношения к разводу, поэтому низкий уровень разводимости относительно других европейских стран здесь сохранился [Mureşan et al., 2008; Pantea, 2013]. Страны Балтии в 1990-х годах пытались отказаться от Советского законодательства о семье, вернувшись к досоветскому его варианту. Поскольку многие бывшие страны Восточной Европы стремились к вхождению в Европейский Союз, соответствующее законодательство было приведено в соответствие с европейскими юридическими понятиями, исключая очень строгие ограничения [Khazova, 2012].

В целом уровни разводов варьируют в семи странах, как до, так и после рыночного перехода (см. рис. 2, а также [Philipov, Dorbritz, 2003]). Наиболее высокими и в целом сходными со странами Северной Европы они были в государствах Балтии и России, а самыми низкими — в Болгарии, Румынии и Польше. Рисунок 2 демонстрирует тренды суммарного коэффициента разводимости (их количество в расчете на 100 браков) в шести странах за исключением России⁷. По большей части общий коэффициент разводимости оставался стабильным в течение 1980-х годов, но начал расти во многих странах после крушения коммунизма. Наиболее очевидно это в странах Балтии, а также Венгрии, изначально имеющих высокий

⁷ В России рассчитывается общий коэффициент разводимости как отношение количества разводов на 1000 населения (прим. переводчика).

уровень разводов. Можно обнаружить признаки восходящей тенденции количества разводов в Болгарии и Румынии, и несколько менее очевидные — в Польше.

Рис. 2. Суммарный коэффициент разводимости в шести посткоммунистических странах⁸

Несмотря на наложения трендов развода на переход от коммунизма к рынку, некоторые авторы [Philipov, Dorbritz, 2003] утверждают, что он не привел к какому-либо заметному влиянию на суммарные показатели разводимости. Более того, эти показатели оставались низкими в странах, где они изначально были ниже. А любые их повышения обусловлены главным образом временными эффектами (*timing effects*), задаваемыми продолжительностью расторгнутых браков. Также нет никаких подтверждений сокращения количества разводов за время этого перехода. Однако подобные выводы основаны преимущественно на агрегированных данных, следовательно, они могут быть чувствительны к «зашумляющим» воздействиям, обусловленным как структурными изменениями, так и несовершенным измерением временных эффектов.

Теоретические связи между контекстом перехода от плановой экономики к рыночной модели и разводам

Теоретически переход от коммунизма к рыночной экономике может как увеличить, так и уменьшить риск развода. Отталкиваясь от социологических и экономических теорий развода (см., например, [Becker, 1981; Lvinger, 1976]), можно предположить, что макросоциальные и экономические потрясения увеличивают риск развода, усиливая стресс в семейных отношениях посредством расшатывания норм, регулирующих семейную жизнь, или же, напротив, уменьшают этот риск, усиливая издержки развода и приверженность семейным узам.

Экономический кризис, наступивший вследствие развала коммунистической системы, был наиболее очевидным механизмом воздействия на уровень разво-

⁸ EUROSTAT. (2018) Divorce indicators. Цит. по: Mortelmans D. (ed.) (2020) Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-Ups. Cham: Springer. P. 67. https://doi.org/10.1007/978-3-030-25838-2_4.

дов. Экономическая рецессия могла оказать как позитивное, так и негативное влияние на разводимость [Cohen, 2014; Philipov, Dorbritz, 2003; Sobotka, Skirbekk, Philipov, 2011]. Согласно теории семейного стресса [Conger et al., 1990], безработица и ухудшение жизненных стандартов увеличивают экономический стресс и негативное взаимодействие супругов, тем самым увеличивая риск развода в период рецессии [Fischer, Liefbroer, 2006; Sobotka et al., 2011; South, 1985]. Дополнительно к этому аргументу исследователи показывают, что снижение уровня доверия потребителей приводит к росту расторжения браков, например, в Нидерландах для женщин при любом их уровне образования [Fischer, Liefbroer, 2006]. Исходя из этих аргументов, следовало бы ожидать, что экономические потрясения, сопутствовавшие переходу от коммунизма к рыночной экономике, увеличили уровень разводов во время этого перехода, особенно в странах, где экономический спад был наиболее выражен.

Экономический кризис может уменьшить риск развода, увеличивая издержки раздельного проживания супругов (*separation*). Рецессия сокращает возможности независимого экономического (само)обеспечения, увеличивая экономическую зависимость от семьи. Сокращение доходов также увеличивает издержки любых юридических процедур. Многочисленные исследования, проведенные в странах Запада, показали, что уровень разводов процикличен [Amato, Beattie, 2011; Cohen, 2014; Hellerstein, Morrill, 2011; Schaller, 2013; South, 1985], предполагая, что эффекты рецессии, которые проявляются через издержки развода, перекрывают эффекты, действующие через механизмы стресса, поскольку пары отказываются от развода или, по крайней мере, откладывают его во время экономических спадов. Исследование Р. Гнозалес-Валу и М. Марчен [González-Val, Marcén, 2017] подтвердило проциклическое реагирование уровня разводов в европейских странах в период 1991—2012 гг. Однако результаты исследований, использовавших индивидуальные данные, приводят к противоположным выводам: безработица [Kraft, 2001] и непредсказуемое падение доходов [Böheim, Ermisch, 2001; Weiss, Willis, 1997] увеличивают риск развода [Böheim, Ermisch, 2001; Kraft, 2001; Weiss, Willis, 1997]. Тем не менее здесь есть гендерный разрыв: если неожиданный рост дохода для мужчин уменьшает риск развода, то для женщин — увеличивает [Böheim, Ermisch, 2001; Weiss, Willis, 1997].

Доказательства влияния экономического кризиса на уровень разводов получены преимущественно для стран Запада, хотя общие механизмы, связывающие экономические потрясения с уровнем разводов, вероятно, схожи и справедливы также для стран, переживших переход от коммунизма к рыночной экономике. Однако глубина пройденного ими кризиса заставляет с осторожностью относиться к обобщениям. Помимо скачка безработицы и падения уровня доходов во многих этих странах инфляция взлетела до четырехзначных цифр. Вследствие данных особенностей прогнозы влияния экономических потрясений на уровень разводов, основанные на опыте стран Запада, выглядят ненадежными.

Помимо экономических последствий переход от строительства коммунизма к рыночной экономике сопровождался глубокими социальными изменениями, которые могли повлиять на уровень разводов. Несмотря на значимость идеи общедоступного социального жилья в коммунистической идеологии, базирующей-

ся на праве каждого иметь свой дом, социалистические государства испытывали его острую нехватку. Жилищная система благоприятствовала супругам, состоящим в браке, поощряя раннее создание семьи и воспитание детей [Deacon, 1987; Frejka, 2008; Hussar, 2018; Morton, 1979; Turnock, 1990]. Разрушение социалистической системы могло устранить некоторые барьеры на пути получения развода, поскольку предложение жилья выросло после перехода жилищной сферы на рыночные условия. Тем не менее процессы приватизации, начавшиеся в отдельных странах в преддверии 1990-х годов, привели к росту цен как на частное, так и на государственное жилье [Hegedüs, Tosics, 1992; Tsenkova et al., 1996]. Несмотря на то что все посткоммунистические страны начали приватизацию рынка жилья, отмечалась значительная вариабельность степени и эффективности этих шагов [Clapham, Kintrea, 1996]. Например, в России многие параметры советской жилищной системы, такие как низкое качество жилья или очереди, сохранились [Lux, Sunega, 2014]. В Румынии дефицит жилья тоже сохранился и оставался проблемой после краха коммунизма [Robila, 2004]. В Венгрии жилищная система была приватизирована на ранней стадии транзита [Bodnar, Böröcz, 1998], но вместо того, чтобы улучшить ситуацию для широкого круга людей, приватизация привела к новой форме сегрегации, благоприятствуя состоятельным домохозяйствам и заманивая низкодоходные в ловушку сектора социальной аренды [Hegedüs, 2013].

Второй фактор касается гендерно специфичных последствий перехода. Социалистическая экономика обеспечивала гендерное равенство в публичной сфере посредством централизованного установления размера заработной платы, всеобщей занятости, а также доступного (в том числе по цене) ухода за детьми. Одним из последствий перехода стал рост женской безработицы, гендерный разрыв в оплате труда, трудности совмещения работы и ухода за детьми, а также гендерная дискриминация во многих странах [Degtiar, 2000; Khotkina, 2001; LaFont, 2001; Spéder, Kamarás, 2008]. Если мужская безработица положительно связана с уровнем разводов, то женская способна стабилизировать брак, особенно в более традиционных обществах и там, где женщина экономически более зависима от мужа [Cooke et al., 2013; Härkönen, 2014; Lyngstad, Jalovaara, 2010]. Эта закономерность определяет влияние перехода от строительства коммунизма к рынку на уровень разводов. В Литве женская безработица стабилизировала брак только в урбанизированных областях [Maslauskaitė et al., 2015], тогда как в сельских уход с рынка труда увеличивал для женщин риск развода [там же]. Для мужчин в Литве безработица увеличивала риск развода. В России не было выявлено различий в уровне разводов для работающих и неработающих женщин во время социализма и после перехода [Muszyńska, 2008]. Д. Виньоли и соавторы [Vignoli et al., 2018] не обнаружили влияния женской занятости на риск развода в Венгрии, однако в Польше он оказался выше для работающих женщин. Исследование брачных когорт 1940—1992 гг. в Венгрии выявило более высокий риск развода для работающих женщин [Bukodi, Róbert, 2003].

На процесс транзита влияли также ценности и установки населения рассматриваемых стран. Исторически они различались по своей религиозной принадлежности (*affiliation*). Россия, Болгария и Румыния были православными

[Fitzpatrick, Kostina-Ritchey, 2013; Kte'pi, 2013; Pantea, 2013], тогда как Литва, Польша и Венгрия — католическими странами [Dvorak, 2013; Lobodzinska, 1983; Palmer, Molenda-Kostanski, 2013], а Эстония — преимущественно протестантской. Крах коммунистических режимов уменьшил безопасность, обеспечиваемую такими гарантиями как занятость и бесплатное обучение, что могло привести к более открытому принятию населением католического и православного христианства, ранее находящегося в латентной форме или подавляемого [Müller, 2009; Robila, 2004; Spéder, Kamarás, 2008]. Только в Венгрии и Польше религиозное возрождение было неочевидным. В случае Польши католицизм доминировал уже на начальном этапе перехода к рынку. Возросшая или активизированная религиозность могла подпитывать возрождение традиционализма или семейственности (*re-traditionalization* или *re-familization*) гендерных ролей [Teplova, 2007], увеличивая воспринимаемую и действительную зависимость женщины от ее партнера-мужчины.

В то же время ослабление социалистических ценностей во многих случаях подразумевало больше возможностей для личного свободомыслия, самовыражения и разнообразия стилей жизни. Изменения рождаемости и семейного поведения в период транзита к рыночной экономике считаются связанными со вторым демографическим переходом [Lesthaeghe, Surkyn, 2002]. Его идентифицируют посредством ряда демографических паттернов, таких как увеличение внебрачных сожительств и отсрочка родительства, которые преимущественно вызваны распространением постматериалистических и индивидуалистических ценностей. Открытие границ, повлекшее за собой приток идей и информации, связанных с контрацепцией и сексуальностью, изменило социальные нормы, касающиеся внебрачного секса и порнографии [Sobotka, 2011]. Несмотря на то что прямая связь между изменением этих норм и семейным поведением эксплицировано не изучалась, вероятно, время вступления в брак и потенциальный выбор брачного партнера изменились в условиях большей доступности внебрачной сексуальной активности и контрацепции. Рано или поздно это, в свою очередь, могло привести к снижению уровня разводов. Стигма, связанная с разводом, в ряде стран также со временем уменьшалась [Karabchuk, 2017; Perelli-Harris et al., 2017].

Переход также усугубил некоторые ранее существовавшие социальные проблемы, наиболее документированной из которых является алкоголизм в России [Mckee, Shkolnikov, Leon, 2001]. Доказано, что частое потребление алкоголя увеличивало в России риск развода [Keenan et al., 2013]. В то же время неочевидно, что потребление алкоголя значительно выросло в других посткоммунистических странах.

Наконец, переход мог оказать непосредственное влияние на уровень разводов, изменив социально-демографическую структуру брачных пар. Он сопровождался увеличением возраста вступления в брак [Frejka, 2008], что связано с уменьшением риска развода [Lyngstad, Jalovaara, 2010]. С другой стороны, стали распространены внебрачные сожительствa [Gerber, Berman, 2010; Hoem et al., 2009; Katus et al., 2007; Philipov, Jasilioniene, 2008; Spéder, Kamarás, 2008], включая добрачные и с повторным партнерством после развода. Рост сожительств отражает ослабление значимости института брака. А браки с предшествующим сожитель-

ством (с тем же или другим партнером) менее стабильны, чем «непосредственные» («*direct*»). Помимо этого, переход сопровождался очевидным снижением рождаемости [Billingsley, 2010; Billingsley, Duntava, 2017; Frejka, 2008]. В Центральной и Восточной Европе это было обусловлено преимущественно отсрочкой родительства в целом, а в Эстонии, Литве и России — связано с сокращением количества вторых и третьих рождений [Billingsley, Duntava, 2017]. Наличие детей (особенно младшего возраста) в целом уменьшает риск развода [Lyngstad, Jalovaara, 2010]. Исходя из этого, можно полагать, что супруги, откладывающие родительство и имеющие меньшее количество детей, косвенно подвергаются большему риску развода.

Подводя итоги, отметим, что несмотря на то что все семь изученных стран осуществили переход от строительства коммунизма к рыночному и демократическому обществу, его специфические особенности обнаруживают кросс-национальную вариабельность. Теоретически неясно, этот транзит увеличивает или уменьшает уровень разводов. Также неясно, существуют ли единые паттерны развода, применимые ко всем семи странам, при наличии отличительных национальных особенностей как до перехода, так и в процессе адаптации к нему.

Анализ данных

Мы использовали унифицированные ретроспективные данные базы «Изменение режимов жизненного цикла в Восточной Европе». Это ресурс, поддерживаемый Стокгольмским Центром здоровья обществ переходного периода университета Садерторм (Södertörn University) и Демографической лабораторией Стокгольмского университета (Stockholm University). База содержит данные, полученные из различных источников. Кроме того, в нашем исследовании использовались общенациональные данные «Исследования поколений и гендера» (Generations and Gender Surveys), а также «Исследования рождаемости и семьи» (Fertility and Families Surveys).

Наша выборка включала в себя мужчин и женщин, состоящих в первом браке и заключивших его в период с 1966 по 2004 г. Она насчитывала 51 568 индивидов. Размер выборки варьировал от 3 745 человек в Эстонии до 16 269 в Польше. Нашей зависимой переменной был развод, маркируемый числом месяцев, после которого было зафиксировано раздельное проживание (*separation*) или юридический развод в зависимости от того, что было раньше. Браки были цензурированы справа (*right-censored*) смертью супруга на момент интервью, или продолжительностью 15 лет (180 месяцев) с момента их заключения. Выборка также включала усеченные слева случаи (*left-truncated cases*), то есть браки, заключенные до начала исследования в 1981 г. Их продолжительность отсчитывалась от момента заключения брака, а не от их первого появления в базе данных [Guo, 1993].

Нашей первичной независимой переменной был исторический период, разделенный на ряд этапов: 1981—1984 (базовый), 1985—1988, 1989—1991, 1992—1995, 1996—2000 и 2001—2004. Базовый период включает годы, предшествовавшие периоду перестройки (1985—1988). Он представляет собой сходную отправную точку для всех государств. В более поздние годы в изучаемых странах появляются различия в зависимости от того, является ли страна частью Централь-

ной и Восточной Европы (ЦВЕ) — Болгария, Венгрия, Польша и Румыния — или бывшего Советского Союза (БСС) — Эстония, Литва и Россия. Годы с 1989 по 1991 охватывают период краха коммунизма и последовавшую за ним рецессию в странах ЦВЕ. Сразу вслед за этим, в период с 1992 по 1995 г., страны БСС столкнулись с глубоким экономическим кризисом, тогда как в странах ЦВЕ это был период экономической и институциональной стабилизации (за исключением Болгарии). Последующие годы перехода (1996—2000) включали в себя экономическое восстановление для большинства стран ЦВЕ, но продолжение кризиса в России. Заключительный период, используемый в нашем анализе (2001—2004), — это годы экономического восстановления для всех стран, а для Эстонии, Венгрии, Литвы и Польши — годы вступления в Евросоюз. Такая периодизация (*the measure*) характеризует основные этапы краха коммунизма и перехода к рыночной экономике, но не учитывает специфичных национальных вариаций.

На первом этапе нашего анализа для оценки риска развода в каждой из семи стран были использованы кривые выживания Каплана-Мейера (*Kaplan-Meier hazard curves*). На этом описательном этапе мы оценивали риск развода, используя периодический подход, опирающийся на синтетические когорты (*synthetic cohorts*). Респонденты вносили свой вклад в каждый из временных периодов при оценке выживания по мере того, как он/она проходил(а) эти периоды. Это означает, что индивиды могли включаться в различные временные периоды, но их вклад зависел от продолжительности брака (в месяцах). Этот подход синтетической когорты полезен, когда необходимо показать тренд в течение определенного периода времени, избегая избирательности вследствие откладывания (регистрации) брака. Кривые выживания со временем изменяются, что может быть обусловлено композиционным изменением. Поэтому вслед за этим мы использовали многомерный анализ.

На втором этапе анализа мы построили дискретно-непрерывные экспоненциальные модели истории событий (*piecewise constant exponential event history models*) [Blossfeld, Golsch, Rohwer, 2007]. Наша первая модель сравнивала риск развода по историческим периодам при контроле только продолжительности брака и пола респондента. Влияние такого периода на риск развода может быть «зашумлено» (*confounded*) влиянием продолжительности брака. Риск развода в общем случае увеличивается в течение первых (приблизительно четырех-семи лет) брака и уменьшается позже. Мы разбили данные на двухлетние (по 24 месяца) интервалы по продолжительности брака и контролировали ее включением фиктивных переменных, используя в качестве базовой категории первые два года брака. Продолжительность брака рассчитывалась от его начала, включая те браки, которые были заключены до 1981 г., то есть до первого периода наблюдения — 1981—1984 гг. Пол респондента контролировался, чтобы корректировать возможные гендерные различия оценок продолжительности брака.

Наша вторая модель исторического события контролировала дополнительные известные переменные, предсказывающие развод. Обе модели оценивались с целью определить, может ли структурное изменение брака привести к различиям риска развода, вызванным историческим периодом. Как отмечалось выше, переход от коммунизма к рыночно-ориентированной экономике обладает мно-

гочисленными социетальными последствиями, которые помимо определенных постоянно действующих трендов, могут повлиять на уровень разводов супругов, вступивших в брак в период социализма или после него.

Во-первых, мы контролировали уровень образования, который увеличивался во многих странах, и является известным предиктором развода в посткоммунистических обществах и за их пределами [Becker, Hemley, 1998; Bukodi, Róbert, 2003; Härkönen, Dronkers, 2006; Karabchuk, 2017; Rootalu, 2010]. Для этого использовался показатель наиболее высокого уровня полученного образования и времени, затраченного на это. Показатель кодировался изменяющейся по времени переменной завершения образования, имеющей три значения: низкий, средний и высокий. Низкий уровень образования включал в себя оконченную или неоконченную общеобразовательную школу; средний — учебу в вузе менее трех лет (включая послешкольное образование или профессиональный тренинг); высший уровень подразумевал наличие как минимум трехлетнего послешкольного, то есть университетского обучения. Мы не могли реконструировать полную образовательную траекторию респондентов, поскольку знали только дату завершения последней образовательной ступени. Это могло бы стать проблемой для тех, кто вступает в брак до получения среднего образования, но продолжает получать высшее. Однако с учетом того, что большинство вступает в брак после завершения своего образования — особенно среднего (в возрасте 18—19 лет) — это не могло привести к значительному смещению временного упорядочивания переменных (для сравнения см. [Ноем, 1996; Härkönen, Dronkers, 2006]). Наши данные включали информацию только об уровне образования респондента (мужчины или женщины). Поскольку уровень образования мужчин и женщин может влиять на риск развода по-разному, мы связывали (*interact*) эту переменную с полом.

Мы также контролировали возраст вступления в брак респондента, сожительствовал(а) ли он(а) и имел(а) ли он(а) детей до брака. Кроме того, мы учитывали варьирующую по времени переменную количества детей (0, 1, 2, или 3 и более), а также наличие маленького ребенка (в возрасте менее трех лет). Контроль этих переменных учитывает любые изменения уровня разводов, происходящие вследствие изменения паттернов формирования семьи. Вступление в брак в более раннем возрасте и сожительство до брака связаны с более высоким риском развода [Härkönen, Dronkers, 2006; Muszyńska-Spielauer, 2008; Muszyńska-Spielauer, Kulu, 2007]. С другой стороны, наличие маленького ребенка прогнозирует более низкий риск развода [Jasilioniene, 2007; Karabchuk, 2017; Muszyńska-Spielauer, Kulu, 2007]. В коммунистическую эру некоторые процедуры развода были осложнены при наличии в семье несовершеннолетних детей. Это еще одна причина для контроля возраста ребенка [Moskoff, 1983; Goode, 1993; Fitzpatrick, Kostina-Ritchey, 2013].

Описательные статистики этих переменных по выборке каждой страны приведены в Приложении 1. Несколько общих паттернов заслуживают внимания. Во-первых, 55%–69% всех респондентов в выборке имеют средний уровень образования (остальные относятся к высокому или низкому). В странах бывшего СССР (Эстония, Литва и Россия) зафиксирована более низкая доля индивидов со средним или более низким уровнем образования (7%—11% в сравнении

с 20%—29% в несоветских странах) и более высокая доля респондентов с университетским образованием. Между этими странами не отмечено существенных различий по среднему возрасту вступления в брак (22—23 года), количеству детей (1,3—1,5 ребенка), наличию ребенка в возрасте до трех лет (35%—37%) или наличию детей у партнера до брака (3%—9%).

Распространенность сожительств до брака широко варьировала, но они были более распространены в Болгарии и Эстонии. Различия в распространенности добрачного сожительства отражают вариабельность процесса формирования семьи [Heuveline, Timberlake, 2004]. Например, в Болгарии высокая распространенность добрачного сожительства обусловлена его непродолжительностью, предшествуя заключению брака с тем же партнером [Philipov, Jasiloniene, 2008].

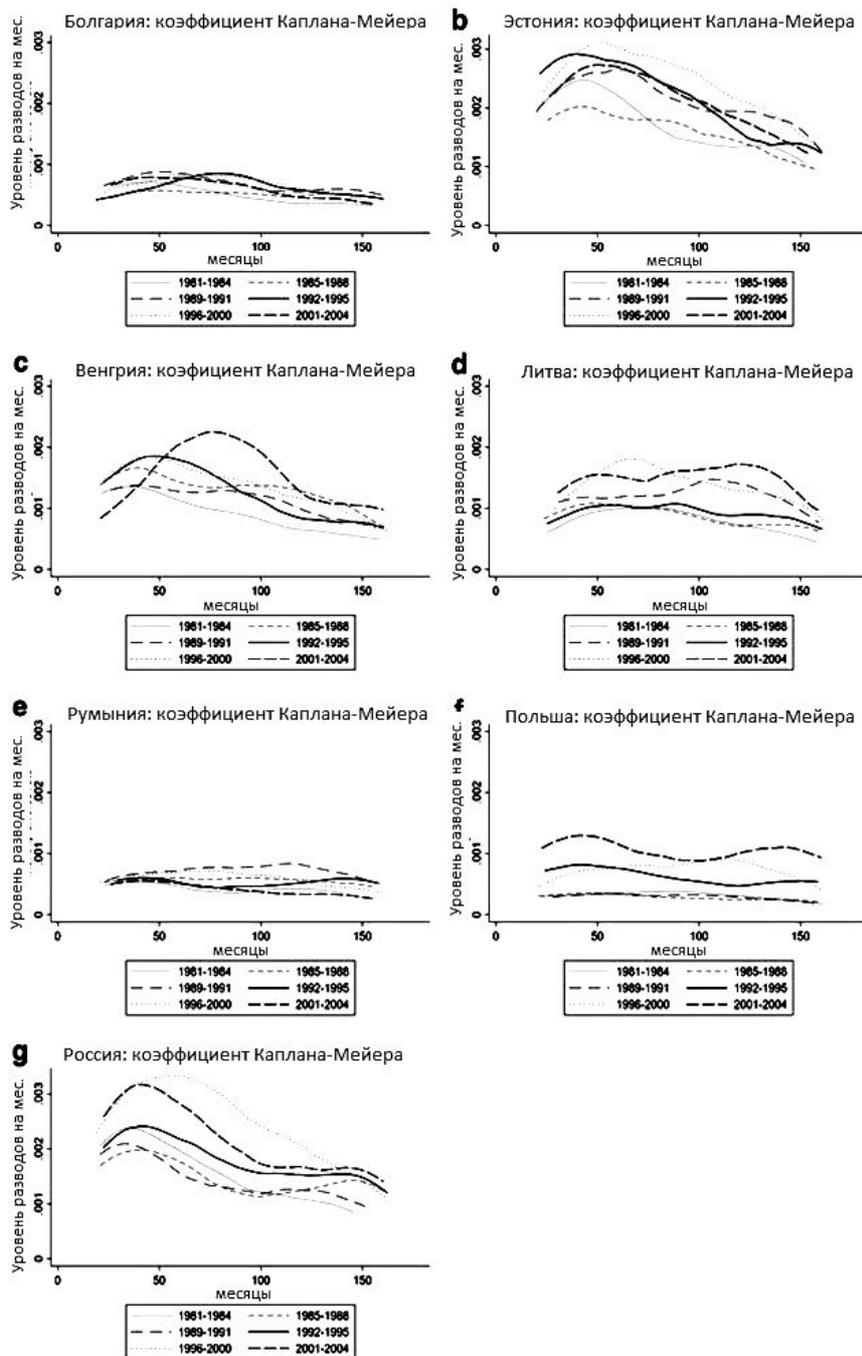
Результаты

Риск развода, продолжительность брака и стадии перехода к рыночной экономике

Рисунок 3 описывает риск развода (уровень выживания) в различные периоды времени в зависимости от продолжительности брака в семи странах. Как правило, мы выделяем общий специфический по продолжительности брака паттерн, согласно которому уровень разводов растет в первые годы брака, уменьшаясь и стабилизируясь впоследствии. Также можно определить четкую кросс-национальную вариативность уровня разводов в различные периоды времени. Уровень разводов был самым низким в Болгарии и Румынии и самым высоким в Эстонии и России. За исключением Болгарии и Румынии, где уровень разводов оставался стабильным в течение всего периода наблюдения, для остальных стран ЦВЕ и БСС наблюдаются его изменения. В период перестройки уровень разводов снизился в России и Эстонии, тогда как в Литве и Венгрии вырос. Начиная с 1989—1991 гг. Эстония, Венгрия и Литва отклоняются от общего паттерна уровня разводов. В этих странах уровень разводов остается достаточно стабильным или растет с увеличением продолжительности брака. Сходные тренды можно отметить для Польши, начиная с 1992 г. и позднее. В Эстонии, Венгрии и Польше рост уровня разводов наблюдается в 1992—1995 гг., а в Литве и России он начинает постоянно увеличиваться с 1996 г. Если в Эстонии, начиная с 2001 г., уровень разводов восстановился, то в России, Венгрии, Литве и Польше его уменьшение не отмечено.

В целом дескриптивные данные обнаруживают весьма значительную кросс-национальную вариативность, как по уровню разводов, так и по временному паттерну при переходе от коммунизма к рыночно-ориентированной экономике. Мы полагаем, что транзит мог повлиять на разводимость, однако это влияние специфично для разных стран. Однако дескриптивные данные не могут сказать нам, являются ли фиксируемые различия устойчивыми с поправкой на структурные факторы. Любые различия уровня разводов на протяжении перехода от государственного социализма к рыночной экономике могут отражать изменения структуры браков, например уровня образования супругов или поведенческих проявлений, связанных с формированием семьи, таких как откладывание вступления в брак, рост сожительств или изменения рождаемости. Каждый из этих факторов является предиктором развода, следовательно, их нужно учитывать при анализе изменений его уровня.

Рис. 3. Ежемесячный уровень разводов по синтезированным брачным когортам в Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России

Регрессия развода как исторического события в течение длительного перехода.

Коэффициент Каплана-Мейера, приведенный выше, представляет дескриптивные данные уровня разводов в зависимости от продолжительности брака по семи странам. Однако эти данные не учитывают структурные факторы. Поэтому любые различия (или отсутствие таковых) уровня разводов могут отражать изменения структуры браков, например уровня образования супругов, или поведения, связанного с формированием семьи, таких его проявлений, как откладывание вступления в брак, рост сожительства или изменения рождаемости. Каждый из этих факторов тоже является предиктором развода, следовательно, их нужно учитывать при анализе изменений уровня разводов.

В Приложении 2 представлены результаты двух моделей исторического события применительно к риску развода, каждая из которых оценивала этот риск в семи странах. Первая модель показывает оценки различия риска развода в зависимости от исторического периода при контроле только гендера респондента и продолжительности брака. Вторая модель контролирует образование, его взаимодействие с гендером, возраст вступления в брак, наличие добрачного сожительства, количество детей и наличие детей до заключения брака. Вторая модель была использована для того, чтобы оценить, сохраняются ли изменения риска развода со временем — особенно, если брак был заключен в процессе перехода от коммунизма к рыночной экономике, — если принять во внимание изменения поведенческих параметров образования семьи.

Очевидны два общих вывода. Первый: подтверждаются дескриптивные результаты об отсутствии какого-либо единого паттерна риска развода на протяжении перехода от коммунизма к рыночной экономике. Второй: за некоторыми исключениями, изменения поведенческих параметров образования семьи и структуры брака не объясняют различий риска развода с течением времени. Различия в оценках риска развода, полученные с помощью моделей 1 и 2 применительно к различным периодам времени, незначительны, если результаты корректируются с учетом полученного образования респондентов, поведенческих параметров рождаемости, истории сожительства и наличия приемных детей. Более высокий риск развода в определенные периоды перехода от коммунизма к рыночной экономике несколько менее выражен в полной модели применительно к Венгрии, Польше и России. Напротив, аналогичный риск развода в Болгарии (1989—1998), не проявлялся без учета структурных различий.

Специфические временные различия отмечаются в модели 2 после учета структурных изменений, происходящих с течением времени. Во всех странах уровень разводов вырос на протяжении некоторого временного отрезка после фонового периода отсчета 1981—1984 гг. Однако страны четко различались по тому, когда впервые был отмечен этот рост, а также был ли он стабильным или временным. Перестройка — начало периода перехода от коммунизма к рыночной экономике. В это время отмечено увеличение рисков развода только в двух странах — Венгрии и Румынии. В Венгрии этот рост оставался стабильным вплоть до 2004 г. В Румынии, напротив, отмечено дальнейшее возрастание уровня разводов (с максимумом в 1989—1991 гг.) с последующим возвратом к более низкому уровню в 2001—2004 гг.

В Болгарии, Литве и Эстонии первое увеличение уровня разводов отмечено в период крушения коммунизма в 1989—1991 гг. В Болгарии оно было кратковременным, после чего уровень разводимости вновь снизился и оставался стабильным в течение всего периода наблюдений. В Литве после временного снижения в 1992—1995 гг. мы видим, скорее, устойчивый рост в течение большинства последующих периодов. В Эстонии уровень разводов впервые увеличился в период 1989—1991 гг., но это изменение статистически значимо только на уровне 10% по сравнению с исходным периодом сравнения. Уровень разводов в Эстонии оставался повышенным на протяжении 1990-х годов, но вернулся к исходному значению на рубеже тысячелетий.

Польша и Россия — две страны, в которых уровень разводов начал расти после периода транзита 1989—1991 гг. Уровень разводов в Польше резко вырос, начиная с 1992—1995 гг. по сравнению с исходно низким значением (см. рис. 3), и продолжил положительную динамику до окончания периода 2001—2004 гг. С другой стороны, в России уровень разводов оставался стабильным в 1980-е годы и годы транзита начала 1990-х годов. Он увеличился только в конце 1990-х и оставался повышенным до начала 2000-х годов.

Подводя итог вышесказанному: наши результаты показывают, что уровень разводов сенситивен (по меньшей мере временно) к социетальным изменениям во всех странах, но с различными паттернами. Увеличившийся риск развода, сопровождавший переход от коммунизма к рыночной экономике, видимо, был кратковременной реакцией на социетальные изменения в Болгарии, Эстонии и Румынии, тогда как в Литве и Польше транзит стал триггером более продолжительного тренда роста. В Венгрии изменение уровня разводов было более ранним, а в России — более поздним, но в обоих случаях устойчивый тренд роста неочевиден.

Выводы

В данном исследовании мы проанализировали тренды риска разводов в семи посткоммунистических странах, уделяя особое внимание тому, повлиял ли на этот риск продолжительный транзит от коммунизма к рыночно ориентированному обществу (варьируя от постепенного распада коммунистической экономической системы в 1980-х годах до периода экономического восстановления и вступления восточноевропейских стран в Евросоюз). Крах коммунизма был одним из определяющих геополитических событий в Европе конца двадцатого столетия, обладающим масштабными последствиями для жизни граждан, переживших его. Это зафиксировано множеством исследований, посвященных здоровью и смертности, потреблению алкоголя, рождаемости и формированию семьи. Однако исследования уровня разводов на протяжении транзита в явном виде отсутствовали.

Наше сравнение охватило семь посткоммунистических стран, переживших транзит, — Болгарию, Эстонию, Венгрию, Литву, Польшу, Румынию и Россию, которые отличались друг от друга по нескольким параметрам. Некоторые были частью Советского Союза, другие — нет. Они также различались по религиозному наследию и уровню религиозности, а также продолжительности транзита и его экономической и социальной успешности.

Наш поисково-разведочный анализ трендов развода на протяжении длительного транзита от коммунизма к рыночной экономике стремился ответить на три вопроса. Первый — что происходило с риском развода в это время? Второй — могут ли его тренды быть объяснены изменениями образовательной и демографической структуры браков? Теоретически мы обсудили, что транзит и сопровождавшие его изменения (экономические, социальные и правовые) мог привести к росту или снижению уровня разводов. Наши результаты свидетельствуют, что в каждой из семи стран могут быть обнаружены признаки увеличения риска развода на определенных стадиях транзита. Мы настаиваем, что транзит сыграл в этом определенную роль, хотя и не можем исключить, что эти данные отражают более долговременные тренды разводимости, начало ее роста или временные паттерны.

Более того, мы обнаружили, что поправки на уровень образования и демографические характеристики супругов большей частью не объясняют данного роста. Эти данные противоречат выводу [Philipov, Dorbritz, 2003] об отсутствии явного влияния транзита на агрегированные уровни разводов. Это, в свою очередь, предполагает, что наш сравнительный анализ трендов развода в посткоммунистических странах на микроуровне, первый в своем роде, выявляет тенденции, скрытые для анализа на агрегированном уровне.

Отвечая на третий вопрос, мы обнаружили, что несмотря на признаки влияния транзита в каждой стране, конкретный паттерн уровня разводов в течение длительного периода существенно варьировал. Все семь стран изначально имели весьма различные показатели уровня разводов. В течение длительного транзита не было выявлено четкого паттерна, описывающего тренды разводов. В трех странах — Болгарии, Литве и Эстонии — уровень разводов вырос в период их отсоединения от коммунистического блока в 1989—1991 гг. А в Румынии данный показатель в это время достиг своего пика. В Болгарии рост уровня разводов был временным (от низкого уровня) и вернулся к исходным значениям, так же как в Эстонии и Румынии. Литва отличается от этого паттерна. Там уровень разводов продолжал расти после временного снижения в 1992—1995 гг. вплоть до последнего наблюдаемого периода 2001—2004 гг.

В Венгрии и Румынии уровень разводов вырос уже в 1985—1988 гг. по сравнению с 1981—1984 гг. Венгрия ужесточила законодательство о разводе в конце 1980-х годов. В результате это могло внести свой вклад в то, что предшествующее этому увеличение разводов [Bukodi, Róbert, 2003; Spéder, Kamarás, 2008] сменилось их временным снижением в 1989—1991 гг. Но с другой стороны, венгерский уровень разводов впоследствии оставался стабильным до 2001—2004 гг. Уровень разводов в Румынии и Болгарии был самым низким среди семи стран. Он достиг своего пика в 1989—1991 гг., впоследствии снизившись и, в итоге в 2001—2004 гг. вернулся к значениям 1981—1984 гг. В Польше уровень разводов был низким в 1980-е годы. Затем он резко вырос, начиная с 1992—1995 гг. и позднее, совпав с экономическим возрождением страны. В России наложение посттранзитного кризиса и роста разводов было иным. Даже несмотря на распад Советского Союза, приведший к упомянутым выше экономическим и социальным проблемам, уровень разводов в России вырос только в 1996—2000 гг., наложившись на экономический обвал конца 1990-х годов.

Подводя итоги, отметим, что несмотря на то что экономические и социальные явления в течение длительного транзита от коммунизма к рыночной экономике обладают многими сходными чертами в семи странах — постепенный закат коммунистической системы в 1980-х годах, экономический кризис как незамедлительное последствие краха коммунизма в 1989—1991 гг., а также экономическая неопределенность в 1990-х годах и экономическое восстановление в первые годы нового тысячелетия, — они не сопровождались единым трендом, касающимся уровня разводимости. Скорее, мы обнаружили очевидные различия в том, как и когда транзит формировал стабильность брака и, вероятно, отразил различные исторические отправные точки и традиции, а также национальные отличительные особенности адаптации к демократии, основанной на рыночной экономике. Несмотря на то что наш разведочный анализ не высветил специфичные объяснения, он тем не менее показал, что даже в случае масштабных социальных потрясений, их влияние на разводимость зависит от социального контекста. Будущие исследования позволят пролить дополнительный свет на контекстуальные особенности, которые могут предопределять влияние масштабных социальных переломов на уровень разводов.

Список литературы (References)

- Amato P. R., Beattie B. (2011) Does the Unemployment Rate Affect the Divorce Rate? An Analysis of State Data 1960—2005. *Social Science Research*. Vol. 40. No. 3. P. 705—715. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.12.012>.
- Avdeev A., Monnier A. (2000) Marriage in Russia: A Complex Phenomenon Poorly Understood. *Population: An English Selection*. Vol. 12. P. 7—50. <https://doi.org/10.1016/10.2307/3030243>.
- Barr N. (2001) Reforming Welfare States in Post-Communist Countries. In: Orłowski L. T. (ed.) *Transition and Growth in Post-Communist Countries: The Ten-Year Experience*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 169—218.
- Becker G. S. (1981) *A Treatise on the Family*. Cambridge, MA: Harvard U. P.
- Becker C. M., Hemley D. D. (1998) Demographic Change in the Former Soviet Union during the Transition Period. *World Development*. Vol. 26. No. 11. P. 1957—1975. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(98\)00113-2](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(98)00113-2).
- Billingsley S. (2010) The Post-Communist Fertility Puzzle. *Population Research and Policy Review*. Vol. 29. No. 2. P. 193—231. <https://doi.org/10.1007/s11113-009-9136-7>.
- Billingsley S. (2011) Economic Crisis and Recovery: Changes in Second Birth Rates within Occupational Classes and Educational Groups. *Demographic Research*. Vol. 24. P. 375—406. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2011.24.16>.
- Billingsley S., Duntava A. (2017) Putting the Pieces Together: 40 Years of Fertility Trends Across 19 Post-Socialist Countries. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. No. 5. P. 389—410. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2017.1293393>.

Blanchard O. (1997) *The Economics of Post-Communist Transition*. Oxford: Oxford University Press.

Blossfeld H.-P., Golsch K., Rohwer G. (2007) *Event History Analysis with Stata*. Mahwah, NJ: Taylor and Francis.

Bodnar J., Böröcz J. (1998) Housing Advantages for the Better Connected? Institutional Segmentation, Settlement Type and Social Network Effects in Hungary's Late State-Socialist Housing Inequalities. *Social Forces*. Vol. 76. No. 4. P. 1275—1304. <https://doi.org/10.2307/3005835>.

Böheim R., Ermisch J. (2001) Partnership Dissolution in the UK — The Role of Economic Circumstances. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. Vol. 63. No. 2. P. 197—208. <https://doi.org/10.1111/1468-0084.00216>.

Bohle D., Greskovits B. (2007) Neoliberalism, Embedded Neoliberalism and Neocorporatism: Towards Transnational Capitalism in Central-Eastern Europe. *West European Politics*. Vol. 30. No. 3. P. 443—466. <https://doi.org/10.1080/01402380701276287>.

Brainerd E. (1998) Market Reform and Mortality in Transition Economies. *World Development*. Vol. 26. No. 11. P. 2013—2027. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(98\)00096-5](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(98)00096-5).

Brainerd E. (2000) Women in Transition: Changes in Gender Wage Differentials in Eastern Europe and the Former Soviet Union. *Industrial and Labor Relations Review*. Vol. 54. No. 1. P. 138—162. <https://doi.org/10.2307/2696036>.

Bukodi E., Róbert P. (2003) Union Disruption in Hungary. *International Journal of Sociology*. Vol. 33. No. 1. P. 64—94.

Clapham D., Kintrea K. (1996) Analyzing Housing Privatization. In: Clapham D., Kintrea K., Hegedüs J., Tosics I. (eds.) *Housing Privatization in Eastern Europe*. Westport, CT: Greenwood Publishing Group. P. 1—15.

Cohen P.N. (2014) Recession and Divorce in the United States, 2008—2011. *Population Research and Policy Review*. Vol. 33. No. 5. P. 615—628. <https://doi.org/10.1007/s11113-014-9323-z>.

Conger R. D., Elder G. H., Lorenz F. O., Conger K. J., Simons R. L., Whitbeck L. B., Huck S., Melby J. N. (1990) Linking Economic Hardship to Marital Quality and Instability. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 53. No. 3. P. 643—656. <https://doi.org/10.2307/352931>.

Cooke L. P., Erola J., Evertsson M., Gähler M., Härkönen J., Hewitt B., et al. (2013) Labor and Love: Wives' Employment and Divorce Risk in its Socio-Political Context. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. Vol. 20. No. 4. P. 482—509.

Deacon B. (1987) Sociopolitics or Social Policy: Bulgarian Welfare in Transition? *International Journal of Health Services: Planning, Administration, Evaluation*. Vol. 17. No. 3. P. 489—514. <https://doi.org/10.2190/45LA-T4L0-341R-276C>.

Degtjar L. (2000) The Transformation Process and the Status of Women. *Problems of Economic Transition*. Vol. 43. No. 7. P. 7—19. <https://doi.org/10.2753/PET1061-199143077>.

- Dvorak J. (2013) Lithuania. In: Emery R. E. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE P. 720—721.
- Fajth G. (1999) Social Security in a Rapidly Changing Environment: The Case of the Postcommunist Transformation. *Social Policy and Administration*. Vol. 33. No. 4. P. 416—436. <https://doi.org/10.1111/1467-9515.00161>.
- Fischer T., Liefbroer A C. (2006) For Richer, for Poorer: The Impact of Macroeconomic Conditions on Union Dissolution Rates in the Netherlands 1972—1996. *European Sociological Review*. Vol. 22. No. 5. P. 519—532. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl013>.
- Fitzpatrick J., Kostina-Ritchey E. (2013) Russia. In: Emery R. E. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 1049—1050.
- Frejka T. (2008) Overview Chapter 5: Determinants of Family Formation and Childbearing during the Societal Transition in Central and Eastern Europe. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 139—170. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.7>.
- Gerber T., Berman D. (2010) Entry to Marriage and Cohabitation in Russia, 1985—2000: Trends, Correlates, and Implications for the Second Demographic Transition. *European Journal of Population*. Vol. 26. No. 1. P. 3—31. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9196-8>.
- Gerber T., Hout M. (2004) Tightening Up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition. *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5. P. 677—703. <https://doi.org/10.1177/000312240406900504>.
- Gimpelson V. (2001) The Politics of Labor-Market Adjustment: The Case of Russia. In: Kornai J., Haggard S., Kaufman R. R. (eds.) *Reforming the State*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 25—52.
- González-Val R., Marcén M. (2017) Divorce and the Business Cycle: A Cross-Country Analysis. *Review of Economics of the Household*. Vol. 15. No. 3. P. 879—904. <https://doi.org/10.1007/s11150-016-9329-x>.
- Goode W. J. (1993) *World Changes in Divorce Patterns*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Guo G. (1993) Event-History Analysis for Left-Truncated Data. *Sociological Methodology*. Vol. 23. P. 217—243. <https://doi.org/10.2307/271011>.
- Härkönen J. (2014) Divorce: Trends, Patterns, Causes and Consequences. In: Treas J., Scott J. L., Richards M. (eds.) *The Sociology of Families*. Chichester: Wiley. P. 303—323. <https://doi.org/10.1002/9781118374085.ch15>.
- Härkönen J., Dronkers J. (2006) Stability and Change in the Educational Gradient of Divorce. A Comparison of Seventeen Countries. *European Sociological Review*. Vol. 22. No. 5. P. 501—517. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl011>.
- Hegedüs J. (2013) The Transformation of the Social Housing Sector. In: Hegedüs J., Lux M., Teller N. (eds.) *Social Housing in Transition Countries*. New York, NY: Routledge. P. 3—33.

Hegedüs J., Tosics I. (1992) Conclusion: Past Tendencies and Recent Problems of the East European Housing Model. In: Turner B., Hegedüs J., Tosics I. (eds.) *The Reform of Housing in Eastern Europe and the Soviet Union*. London; New York, NY: Routledge. P. 318—335.

Hellerstein J. K., Morrill M. S. S. (2011) Booms, Busts, and Divorce. *The B. E. Journal of Economic Analysis and Policy*. Vol. 11. No. 1. <https://doi.org/10.2202/1935-1682.2914>.

Heuveline P., Timberlake J. M. (2004) The Role of Cohabitation in Family Formation: The United States in Comparative Perspective. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 5. P. 1214—1230. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00088.x>.

Hoem J. M. (1996) The Harmfulness or Harmlessness of Using an Anticipatory Regressor: How Dangerous Is It to Use Education Achieved as of 1990 in the Analysis of Divorce Risks in Earlier Years? *Yearbook of Population Research in Finland*. Vol. 33. P. 34—43. <https://doi.org/10.23979/fypr.44892>.

Hoem J. M., Kostova D., Jasilioniene A., Mureşan C. (2009) Traces of the Second Demographic Transition in Four Selected Countries in Central and Eastern Europe: Union Formation as a Demographic Manifestation. *European Journal of Population*. Vol. 25. No. 3. P. 239—255. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9177-y>.

Hussar A. (2018) Estonia: Prospects for Steady Improvement. In: Hegedüs J., Lux M., Horváth V. (eds.) *Private Rental Housing in Transition Countries: An Alternative to Owner Occupation*. London: Palgrave Macmillan. P. 211—233. https://doi.org/10.1057/978-1-137-50710-5_9.

Jasilioniene A. (2007) Premarital Conception and Divorce Risk in Russia in the Light of the GGS Data. *MPIDR Working Papers*. WP-2007—025. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2007-025>.

Karabchuk T. (2017) Marriage and Divorce, 1994—2014. In: Karabchuk T., Kumo K., Selezneva E. (eds.) *Demography of Russia*. London: Macmillan Publishers Ltd. P. 115—155.

Katus K., Puur A., Poldma A., Sakkeus L. (2007) First Union Formation in Estonia, Latvia and Lithuania: Patterns Across Countries and Gender. *Demographic Research*. Vol. 17. P. 247—300. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.10>.

Keenan K., Kenward M. G., Grundy E., Leon D. A. (2013) Longitudinal Prediction of Divorce in Russia: The Role of Individual and Couple Drinking Patterns. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 48. No. 6. P. 737—742. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agt068>.

Khazova O. A. (2012) Marriage and Divorce Law in Russia and the Baltic States: Overview of Recent Changes. In: Carlbäck H., Gradszkova Y., Kravchenko Z. (eds.) *And they Lived Happily Ever After*. Budapest; New York, NY: Central European University Press. P. 251—273.

Khotkina Z. (2001) Female Unemployment and Informal Employment in Russia. *Problems of Economic Transition*. Vol. 43. No. 9. P. 20—33. <https://doi.org/10.2753/PET1061-1991430920>.

Koytcheva E., Philipov D. (2008) Bulgaria: Ethnic Differentials in Rapidly Declining Fertility. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 361—401. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.13>.

Kraft K. (2001) Unemployment and the Separation of Married Couples. *Kyklos*. Vol. 54. No. 1. P. 67—87. <https://doi.org/10.1111/1467-6435.00141>.

Kte'pi B. (2013) Bulgaria. In: Emery R. E. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 157—158.

LaFont S. (2001) One Step Forward, Two Steps Back: Women in the Post-Communist States. *Communist and Postcommunist Studies*. Vol. 34. No. 2. P. 203—220.

Lesthaeghe R., Surkyn J. (2002) New Forms of Household Formation in Central and Eastern Europe: Are They Related to Newly Emerging Value Orientations? In: UNECE (eds.) *Economic Survey of Europe*. Vol. 1. Geneva: UNECE. P. 197—217.

Levinger G. (1976) A Social Psychological Perspective on Marital Dissolution. *Journal of Social Issues*. Vol. 32. No. 1. P. 21—47. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1976.tb02478.x>.

Lobodzinska B. (1983) Divorce in Poland: Its Legislation, Distribution and Social Context. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 45. No. 4. P. 927—942. <https://doi.org/10.2307/351806>.

Lux M., Sunega P. (2014) Public Housing in the Post-Socialist States of Central and Eastern Europe: Decline and an Open Future. *Housing Studies*. Vol. 29. No. 4. P. 501—519. <https://doi.org/10.1080/02673037.2013.875986>.

Lyngstad T. H., Jalovaara M. (2010) A Review of the Antecedents of Union Dissolution. *Demographic Research*. Vol. 23. P. 257—292. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2010.23.10>.

Maslauskaitė A., Jasilionienė A., Jasilionis D., Stankuniene V., Shkolnikov V. M. (2015) Socio-Economic Determinants of Divorce in Lithuania: Evidence from Register-Based Census-Linked Data. *Demographic Research*. Vol. 33. P. 871—908. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.33.30>.

Mckee M., Shkolnikov V., Leon D. A. (2001) Alcohol is Implicated in the Fluctuations in Cardiovascular Disease in Russia Since the 1980s. *Annals of Epidemiology*. Vol. 11. No. 1. P. 1—6. [https://doi.org/10.1016/S1047-2797\(00\)00080-6](https://doi.org/10.1016/S1047-2797(00)00080-6).

Morton H. W. (1979) Housing Problems and Policies of Eastern Europe and the Soviet Union. *Studies in Comparative Communism*. Vol. 12. No. 4. P. 300—321. [https://doi.org/10.1016/S0039-3592\(79\)90271-0](https://doi.org/10.1016/S0039-3592(79)90271-0).

Moskoff W. (1983) Divorce in the USSR. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 45. No. 2. P. 419—425. <https://doi.org/10.2307/351520>.

Müller O. (2009) Religiosity in Central and Eastern Europe: Results from the PCE 2000 Survey in Comparison. In: Pickel G., Müller O. (eds.) *Church and Religion in Contem-*

porary Europe. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. P. 65—88. https://doi.org/10.1007/978-3-531-91989-8_6.

Mureşan C. (2007) Family Dynamics in Pre- and Post-Transition Romania: A Life-Table Description. *MPIDR Working Papers*. WP-2007—018. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2007-018>.

Mureşan C., Haraguş P.T., Haraguş M., Schröder C. (2008) Romania: Childbearing Metamorphosis Within a Changing Context. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 855—906. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.23>.

Muszyńska-Spielauer M. (2008) Women's Employment and Union Dissolution in a Changing Socio-Economic Context in Russia. *Demographic Research*. Vol. 18. P. 181—204. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.18.6>.

Muszyńska-Spielauer M., Kulu H. (2007) Migration and Union Dissolution in a Changing Socio-Economic Context: The Case of Russia. *Demographic Research*. Vol. 17. P. 803—820. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.27>.

Nedoluzhko L., Agadjanian V. (2015) Between Tradition and Modernity: Marriage Dynamics in Kyrgyzstan. *Demography*. Vol. 52. No. 3. P. 861—882. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0393-2>.

Palmer L., Molenda-Kostanski Z. (2013) Poland. In: Emery R. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 937—974. <https://doi.org/10.4135/9781452274447.n355>.

Pantea M.-C. (2013) Romania. In: Emery R. E. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 1047—1048. <https://doi.org/10.4135/9781452274447.n378>.

Pascall G., Manning N. (2000) Gender and Social Policy: Comparing Welfare States in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. *Journal of European Social Policy*. Vol. 10. No. 3. P. 240—266. <https://doi.org/10.1177/a013497>.

Perelli-Harris B., Berrington A., Sánchez Gassen N., Galezewska P., Holland J. A. (2017) The Rise in Divorce and Cohabitation: Is There a Link? *Population and Development Review*. Vol. 43. No. 2. P. 303—329.

Philipov D., Dorbritz J. (2003) Demographic Consequences of Economic Transition in Countries of Central and Eastern Europe. *Population Studies*. Vol. 45. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Philipov D., Jasilioniene A. (2008) Union Formation and Fertility in Bulgaria and Russia: A Life Table Description of Recent Trends. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 2057—2114. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.62>.

Robila M. (2004) Child Development and Family Functioning within the Romanian Context. In: Robila M. (ed.) *Families in Eastern Europe*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 141—154. [https://doi.org/10.1016/S1530-3535\(04\)05009-5](https://doi.org/10.1016/S1530-3535(04)05009-5).

Rootalu K. (2010) The Effect of Education on Divorce Risk in Estonia. *TRAMES. A Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14. No. 1. P. 21—33. <https://doi.org/10.3176/tr.2010.1.02>.

Schaller J. (2013) For Richer, If Not for Poorer? Marriage and Divorce over the Business Cycle. *Journal of Population Economics*. Vol. 26. No. 3. P. 1007—1033.

Sobotka T. (2011) Fertility in Central and Eastern Europe After 1989: Collapse and Gradual Recovery. *Historical Social Research*. Vol. 36. No. 2. P. 246—296.

Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2. P. 267—306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>.

Solodnikov V. V. (2016) Social Research of Divorce in USSR and Russia. In: Giancesini G., Blair S. L. (eds.) *Divorce, Separation, and Remarriage: The transformation of Family*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 301—326. <https://doi.org/10.1108/S1530-353520160000010012>.

South S. J. (1985) Economic Conditions and the Divorce Rate: A Time-Series Analysis of the Postwar United States. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 47. No. 1. P. 31—41. <https://doi.org/10.2307/352066>.

Spéder Z. (2005) The Rise of Cohabitation as First Union and Some Neglected Factors of Recent Demographic Developments in Hungary. *Demográfia*. Vol. 49. No. 5. P. 77—103.

Spéder Z., Kamarás F. (2008) Hungary: Secular Fertility Decline with Distinct Period Fluctuations. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 599—664. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.18>.

Stankuniene V., Jasilioniene A. (2008) Lithuania: Fertility Decline and its Determinants. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 705—742. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.20>.

Szelewa D., Polakowski M. P. (2008) Who Cares? Changing Patterns of Childcare in Central and Eastern Europe. *Journal of European Social Policy*. Vol. 18. No. 2. P. 115—131. <https://doi.org/10.1177/0958928707087589>.

Teplova T. (2007) Welfare State Transformation, Childcare, and Women's Work in Russia. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. Vol. 14. No. 3. P. 284—322. <https://doi.org/10.1093/SP/JXM016>.

Todorova V. (2000) Family Law in Bulgaria: Legal Norms and Social Norms. *International Journal of Law, Policy and the Family*. Vol. 14. No. 2. P. 148—181. <https://doi.org/10.1093/lawfam/14.2.148>.

Tsenkova S., Georgiev G., Motev S., Dimitrov D. (1996) Bulgaria. In: Clapham D., Hegedüs J., Kintrea K., Tosics I. (eds.) *Housing Privatization in Eastern Europe*. Westport: Greenwood. P. 97—119.

Turnock D. (1990) Housing Policy in Romania. In: Sillince J. (ed.) *Housing Policies in Eastern Europe and the Soviet Union*. New York, NY: Routledge. P. 82—135.

Vignoli D., Matysiak A., Styrac M., Tocchioni V. (2018) The Positive Impact of Women's Employment on Divorce: Context, Selection, or Anticipation? *Demographic Research*. Vol. 38. P. 1059—1110. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.38.37>.

Weiss Y., Willis R. J. (1997) Match Quality, New Information, and Marital Dissolution. *Journal of Labor Economics*. Vol. 15. No. 1. P. 293—329. <https://doi.org/10.1086/209864>.

Дополнительный перечень источников, использованных во вступительной статье

Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998.

Deviatko I. F. (1998) *Methods of Sociological Research*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. (In Russ.)

Солодников В. В. Лонгитюдная стратегия исследования качества и изменений браков: отечественная традиция и зарубежный опыт (Обзор теорий, методов и исследований) // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 1. С. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.01>.

Solodnikov V. V. (2016) Longitudinal Strategy of Studies of the Quality and Evolution of Marriage: Russian Tradition and Foreign Practices (Theories, Methods and Studies). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.01>. (In Russ)

Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 6. С. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

Solodnikov V. V. (2018) Russian Sociological and Psychological Research of the Family: Meta-Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>. (In Russ.)

Mortelmans D. (ed.) (2020) *Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-Ups*. Cham: Springer.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. *Дескриптивные помесячные индивидуальные статистические данные*

Страна	Болгария		Эстония		Венгрия		Литва		Польша		Румыния		Россия		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Наблюдения	66482	14,5	33305	7,26	58067	12,67	47974	10,46	134225	29,28	65727	14,34	52692	11,49	458472	100
Период времени																
1981—84	9714	14,61	7064	21,21	12082	20,81	7911	16,49	33026	24,6	11832	18,0	9724	18,45	91353	19,93
1985—88	11046	16,62	6946	20,86	11194	19,28	8416	17,54	31883	23,75	11635	17,7	10170	19,3	91290	19,91
1989—91	9929	14,93	5309	15,94	8432	14,52	7306	15,23	23809	17,74	9526	14,49	8188	15,54	72499	15,81
1992—95	12528	18,84	5667	17,02	9455	16,28	8759	18,26	15600	11,62	11381	17,32	9308	17,66	72698	15,86
1996—2000	13643	20,52	5009	15,04	9758	16,8	9022	18,81	16902	12,59	12332	18,76	9225	17,51	75891	16,55
2001—04	9622	14,47	3310	9,94	7146	12,31	6560	13,67	13005	9,69	9021	13,72	6077	11,53	54741	11,94
Женщин	39534	59,47	21,09	63,32	32489	55,95	23628	49,25	77492	57,73	32162	48,93	32086	60,89	258481	56,38
Уровень образования																
Низкий	13586	20,44	3817	11,46	11947	20,57	5454	11,37	34860	25,97	18971	28,86	3631	6,89	92266	20,12
Средний	40903	61,52	19308	57,97	36809	63,39	32951	68,69	84399	62,88	40659	62,86	29142	55,31	284171	61,98
Высокий	11993	18,04	10180	30,57	9311	16,03	9569	19,95	14966	11,15	6097	9,28	19919	37,8	82035	17,89
Возраст / брак — (ср./дисп.)	22,06 4,32		23,15 4,5		22,51 4,18		23,6 4,69		23,19 4,14		23,13 4,65		22,51 4,66		22,9 4,42	
Сожительство	39828	59,91	17053	51,2	8221	14,16	7472	15,58	12774	9,52	11145	16,96	14113	26,78	110606	24,12
Приемная семья	1828	2,75	2595	7,79	1898	3,27	2635	5,49	6682	4,98	2787	4,24	4736	8,99	23161	5,05
Ребенок < 3 лет	23864	35,9	12292	36,91	21528	37,07	17458	36,39	47762	35,58	22710	34,55	18277	34,69	162891	35,75
№ детей (ср./дисп.)	135 078		150 090		1451 087		128 083		138 099		131 090		126 079		135089	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1. Риск развода в семи посткоммунистических странах.

Коэффициенты выживания и доверительные интервалы дискретно-непрерывных экспоненциальных моделей исторического события
(МОДЕЛЬ 1)

Период / переменная	Болгария	Эстония	Венгрия	Литва	Польша	Румыния	Россия
1981—1984 — установочный период							
1985—1988	0,965 (0,680—1,370)	0,93 (0,732—1,181)	1,374** (1,097—1,723)	1,162 (0,849—1,591)	0,898 (0,695—1,160)	1,457* (1,034—2,052)	1,005 (0,820—1,2320)
1989—1991	1,285 (0,914—1,807)	1,193 (0,935—1,524)	1,234 (0,955—1,594)	1,454* (1,063—1,989)	0,896 (0,674—1,190)	1,729** (1,218—2,456)	0,956 (0,766—1,194)
1992—1995	1,151 (0,832—1,592)	1,299* (1,031—1,636)	1,330* (1,048—1,688)	1,161 (0,853—1,581)	2,125** (1,657—2,725)	1,414* (1,002—1,996)	1,196† (0,981—1,457)
1996—2000	1,186 (0866—1,625)	1,380* (1,0951,739)	1,403** (1,115—1,764)	1,596** (1,199—2,124)	2,085** (1,638—2,6540)	1,515* (1,090—2,105)	1,583** (1,315—1,906)
2001—2004	1,122 (0,793—1,589)	1,169 (0,884—1,545)	1,579** (1,238—2,015)	1,754** (1,297—2,372)	3,397** (2,697—4,278)	1,044 (0,706—1,543)	1,468** (1,188—1,814)
Женщины	1,220* (1,011—1,471)	1,168* (1,005—1,358)	1,128* (0,982—1,296)	2,064** (1,741—2,447)	1,373** (1,181—1,595)	1,139 (0,942—1,377)	1,241** (1,100—1,400)
Стаж брака	да	да	да	да	да	да	да
Константа	0,000448** (0,000314— 0,000639)	0,00156** (0,00120— 0,00203)	0,000889** (0,000687— 0,00115)	0,000324** (0,000325— 0,000466)	0,000255* (0,000194— 0,000336)	0,000374** (0,000257— 0,000544)	0,00171** (0,00139— 0,00209)
Наблюдения	66482	33,305	58067	47974	134225	65727	52692
Логарифм правдоподобия	−2025,7231	−2331,1949	−2909,4515	−2070,1476	−3194,0717	−1844,8212	−3746,5455
Хи-кв. (ст. своб.)	29,97 (13)	77,35913)	87,66 (13)	125,52 (13)	229,25 (13)	25,49 (13)	151,48 (13)

* $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; † $p < 0,1$.

**Таблица 2. Риск развода в семи посткоммунистических странах.
Коэффициенты выживания и доверительные интервалы дискретно-непрерывных экспоненциальных моделей исторического события
(МОДЕЛЬ 2)**

Период / переменная	Болгария	Эстония	Венгрия	Литва	Польша	Румыния	Россия
1981—1984 — установочный период							
1985—1988	0,995 (0,701—1,412)	0,967 (0,761—1,230)	1,352** (1,078—1,695)	1,197 (0,874—1,640)	0,892 (0,691—1,153)	1,144* (1,024—2,034)	1,034 (0,843—1,267)
1989—1991	1,383* (0,983—1,946)	1,275† (0,997—1,630)	1,225 (0,947—1,584)	1,529** (1,116—2,095)	0,876 (0,659—1,164)	1,740** (1,224—2,473)	0,991 (0,793—1,239)
1992—1995	1,225 (0,884—1,696)	1,306* (1,035—1,650)	1,305* (1,026—1,660)	1,217 (0,892—1,660)	1,981** (1,539—2,551)	1,385† (0,980—1,957)	1,153 (0,946—1,406)
1996—2000	1,228 (0,895—1,686)	1,301* (1,028—1,647)	1,298* (1,027—1,641)	1,640** (1,228—2,190)	1,878** (1,468—2,404)	1,434* (1,029—1,998)	1,408** (1,168—1,697)
2001—2004	1,175 (0,827—1,669)	1,112 (0,837—1,478)	1,395** (1,083—1,796)	1,763** (1,298—2,395)	2,843** (2,240—3,608)	0,965 (0,651—1,432)	1,248* (1,008—1,546)
Женщины	1,198 (0,776—1,850)	1,168* (1,005—1,358)	1,101 (0,780—1,554)	1,592† (0,992—2,254)	1,328 (0,903—1,953)	0,654* (0,433—0,988)	0,804 (0,511—1,265)
Образование — установочное значение — низкий уровень							
Средний	0,984 (0,673—1,438)	0,756† (0,550—1,040)	1,183 (0,865—1,617)	0,723† (0,496—1,055)	1,650** (1,180—2,307)	0,939 (0,669—1,319)	0,885 (0,616—1,272)
Высокий	0,663 (0,377—1,166)	0,622* (0,410—0,942)	1,148 (0,755—1,746)	0,535* (0,324—0,884)	1,969** (1,285—3,014)	1,058 (0,632—1,773)	0,801 (0,541—1,184)
Средний (женщины)	0,947 (0,585—1,532)	0,997 (0,656—1,516)	0,875 (0,600—1,278)	1,194 (0,715—1,993)	0,927 (0,609—1,412)	1,878** (1,180—2,990)	1,412 (0,876—2,276)
Высокий (женщины)	1,082 (0,551—2,127)	1,022 (0,613—1,703)	0,893 (0,538—1,485)	1,693 (0,897—3,193)	1,046 (0,610—1,795)	2,129* (1,055—4,296)	1,489 (0,901—2,461)
Брачный возраст	0,970* (0,946—0,994)	0,916** (0,898—0,935)	0,942** (0,924—0,961)	0,966** (0,948—0,984)	0,946** (0,929)	0,968** (0,947—0,990)	0,933** (0,918—0,948)
Сожительство до брака	0,705** (0,588—0,845)	1,046 (0,899—1,218)	1,933** (1,632—2,289)	1,135 (0,917—1,405)	2,271** (1,903—2,709)	1,463** (1,158—1,848)	1,682** (1,486—1,905)
Приёмная семья	1,112 (0,691—1,789)	1,832** (1,448—2,316)	1,267 (0,908—1,767)	1,303† (0,957—1,7750)	3,895** (3,182—4,768)	2,610** (1,891—3,603)	1,203† (0,990—1,461)

Период / переменная	Болгария	Эстония	Венгрия	Литва	Польша	Румыния	Россия
№ детей < 3	0,694** (0,530—0,910)	0,667** (0,542—0,820)	0,675** (0,553—0,824)	0,781* (0,619—0,986)	0,881 (0,720—1,078)	0,666** (0,499—0,890)	0,998 (0,841—1,184)
Стаж брака	да	да	да	да	да	да	да
Константа	0,00158** (0,000758— 0,00329)	0,0210** (0,0116— 0,0377)	0,00360** (0,00200— 0,00646)	0,00116** (0,000592— 0,00226)	0,000559** (0,000312— 0,00100)	0,000913** (0,000445— 0,00187)	0,0104** (0,00615— 0,0177)
Наблюдения	66 482	33,305	58 067	47 974	134 225	65 727	52 692
Логарифм правдоподобия	-1968,6438	-2212,1904	-2783,2938	-2039,3693	-3051,9169	-1793,8818	-3594,0967
Хи-кв. (ст. своб.)	144,13 (22)	315,36 (22)	337,97 (22)	187,08 (22)	513,56 (22)	127,37 (22)	456,38 (22)

* $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; † $p < 0,1$.